

АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ ЕВГЕНИЙ

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В НАУЧНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В ВУЗАХ РОССИИ¹

В современном образовательном пространстве России Русская Православная Церковь занимает исключительное и неповторимое место. С одной стороны, жизнь в Церкви, по слову, обращенному Господом нашим Иисусом Христом к ученикам, *не от мира сего*², с другой — в Священном Писании говорится о том, что ученики Христа — это *свет мира*³. Таким образом, мир, *во зле лежащий*⁴, должен быть не отвергнут, но преобразен, изменен, сообразован с предвечным Божественным замыслом. Было бы совершенно несправедливым, если бы российское образование оказалось принципиально неспособным к определенной интеграции в этот поистине «вселенский» процесс.

Светом мира, который ярко источает Церковь, оказывается прежде всего мысль святых отцов, их неиссякающее и не теряющее своей актуальности наследие. Освоение и более глубокое изучение святоотеческого наследия могло бы послужить реальному сближению между Церковью и государством, церковной и светской системой образования и внести свою драгоценную лепту в духовное становление и возрождение сильной и самобытной России. По слову свт. Иоанна Златоуста, Бог сохраняет и преумножает наследие человечества, если человечество доверяет Богу: «Сие великое наследие, сие краса, сие безопасность. Введи Бога в наследие здеш-

¹Приветственное слово, произнесенное 30 января 2007 г. в храме Христа Спасителя на секции Рождественских чтений «Святоотеческое наследие в вузах России».

²Ин. 15, 19.

³Мф. 5, 14.

⁴1 Ин. 5, 19.

него, дабы Он тебя вместе с детьми в Свою очередь ввел в наследие тамошнего»⁵.

При идеальном положении вещей, в силу глубинной целостности научного познания любая область из естественных или гуманитарных наук должна была бы так или иначе соприкасаться со святоотеческим наследием, имеющим абсолютную и непреходящую духовную ценность. Однако часто складывается впечатление, что и естественные, и гуманитарные науки, которые развиваются достаточно секулярными и автономными путями, даже не ставят перед собой подобной задачи.

Как хорошо известно, новые естественнонаучные открытия — например, в области квантовой физики — отнюдь не противостоят, а скорее способствуют формированию глубокого религиозного мировоззрения, лишая научную картину мира обольщений детерминизма и самодостаточности. Поэтому думается, что уже в настоящее время святоотеческое наследие могло бы быть гораздо сильнее востребовано представителями естественных наук, способными отступить от позитивистской ограниченности даже не XX, а XIX века и стремящимися к обретению целостного духовно-нравственного базиса, который по слову египетского подвижника аввы Григория кратко описывается так: Бог требует «правую веру от души, истину от языка, целомудрие от тела»⁶. Помимо назидательного воспитательного значения, святоотеческое наследие могло бы значительно расширить в интеллектуальном отношении кругозор преподавателей и студентов естественников. Не сомневаюсь, что математики, физики или химики, глубоко вникшие в гармоничность устройства мира, поверенную числом, постигнутую в удивительной общности законов и в поразительной простоте элементов, из которых он образуется, по мере приобщения к святоотеческому наследию не только обрели бы пользу для углубления перспективы своих частных наук, но и могли бы внести свой мощный вклад в изучение этого богатейшего наследия во всей непреходящей полноте его смыслов.

⁵ PG 51, 290:6—9.

⁶ De abbate Gregorio 1. PG 65, 145.

В сфере гуманитарных наук подход к святоотеческому наследию может быть еще более гибким и индивидуальным. Перечислим те гуманитарные дисциплины, которые наиболее тесно соприкасаются со святоотеческим наследием: философия, каноническое право, гражданская история двух тысячелетий по Р. Х., искусствоведение, психология, филология.

Для философов святоотеческая философия — одна из важнейших областей, ключ к уяснению средневековой мысли и культуры. Перед канонистами открывается огромная церковно-каноническая область, святоотеческий вклад в которую очевиден. Историки и искусствоведы помимо интереса к истории Церкви и церковного искусства могут проявлять живой интерес к обстоятельствам жизни и к особенностям творческого наследия отцов. Психологам святоотеческая антропология позволит избавиться от недопонимания и — в ряде случаев — неприятия душевно-духовного мира человека. Филологи, изучая языки или литературу, не могут не задаваться вопросом о роли и значении христианской веры и носителей этой веры в формировании византийской, европейской или русской культуры. Они находятся в особо выгодном положении, так как могут изучать патрологию как историю святоотеческой письменности, включая все ее особенности (литературные и языковые). Ярчайший пример иеромонаха Оптиной Пустыни Климента (Зедергольма), знатока святоотеческих творений, прошедшего классическую филологическую школу, не мог не вдохновить целую плеяду современных филологов на переводческие труды далеко еще не введенного полностью в научный обиход наследия отцов.

Как представляется, возможны два пути более интенсивного изучения святоотеческого наследия в светских высших учебных заведениях:

1. Существенно расширить изучаемый материал за счет памятников святоотеческой письменности в рамках имеющихся дисциплин. Так, филологи могли бы обращать большее внимание на особенности языков христианской ойкумены, юристы — изучать церковную канонику, а студентам-естественникам было бы важно ознакомить-

ся со святоотеческим взглядом на естественное откровение и с символическим толкованием картины мира и богослужения.

2. Разработать и ввести ряд особых курсов, посвященных святоотеческому наследию, с учетом (или без учета) специфики той или иной специальности естественнонаучного или гуманитарного направлений. В этих спецкурсах было бы целесообразно представить следующие актуальные разделы: история святоотеческой мысли, нравственно-аскетическое учение отцов, отношение Церкви к государству и обществу, или своеобразная святоотеческая социология.

Таким образом, в светских вузах со временем можно было бы ввести целый ряд общих и специализированных курсов, которые, конечно, нуждаются как в глубоком осмыслении, так и в длительной и фундаментальной подготовке. Несмотря на доступность святоотеческого наследия на различных современных сайтах (Pagez.ru), для его более серьезного восприятия помимо учебных монографий необходимы также хрестоматии с отрывками из творений отцов, соответствующими избранной тематике. Достаточно сказать, что еще в 1912 г. совет Московской духовной академии предлагал обер-прокурору Святейшего Синода В. К. Саблеру создать святоотеческую хрестоматию двух типов: «элементарного» для начального образования и «повышенного» для среднего и высшего, который был бы применим «при изучении истории догматики, Церкви, христианского аскетизма»⁷. К сожалению, даже если такие хрестоматии и были разработаны, они оказались утерянными и невостребованными.

Что касается богословского или церковного образования, то здесь совершенно очевидно глубокое значение святоотеческого наследия. Все дисциплины, изучаемые в духовных академиях, семинариях, а также на богословских факультетах, в православных университетах и институтах, обязательно строятся с учетом святоотеческой мысли. Не только патрология, наука об отцах, занимающаяся святоотече-

⁷От 29 декабря 1912 г. О переводах «Творений св. отцев» 1911—1912. ОР РГБ. Ф. 172. К. 44. Ед. 2. Л. 15. Полный опубл. текст см.: БВ 5—6. 2005—2006. С. 511.

ским наследием по преимуществу, но и все основные дисциплины историко-богословского цикла — догматика, история Церкви, церковная каноника, аскетика, литургика, агиология — твердо опираются на него. Однако в настоящее время русской богословской науке нужно сделать еще немало усилий, чтобы выйти на высокий профессиональный уровень, соответствующий лучшим мировым стандартам и продолжающий лучшие достижения дореволюционной отечественной науки.

Святоотеческое наследие многопланово и многосоставно. Время жизни святых отцов — это два тысячелетия христианства. Отцы жили в самых разных уголках земного шара, хотя основная часть отцов первого тысячелетия подвизалась в странах византийского ареала, а впоследствии — на Руси и в других странах, хранивших православие. Святые отцы — представители самых разных миров, национальностей, культур, простецы или, наоборот, носители утонченной образованности. Они говорили на различных языках, иные из которых создавались под решающим воздействием христианства, как, например, древнеармянский, изобретенный Месропом Маштоцем, или глаголический славянский, изобретенный, по мнению многих ученых, свв. равноапостольными братьями Константином/Кириллом и Мефодием.

Но прежде всего святые отцы — носители святости. Среди отцов — мученики, аскеты, святители, благоверные цари и князья, святые мужи и в некоторых случаях жены, как, например, ама Сарра, которая говорила: «Хочу подняться по лестнице и полагаю смерть пред очами моими, прежде чем взойти мне на лестницу»⁸. Среди отцов — много святых не только известных, но и неизвестных. Ряд христианских писателей не был прославлен во святых, а иногда некоторые из них осуждались даже как еретики (например, Евагрий или Дидим Слепец). Однако исходя из общецерковной пользы, а иногда и по неведению, те их сочинения, которые не представляли угрозы, были интегрированы в ту же общую для всех духовную сокровищницу.

⁸De matre Sara 1. PG 65, 420.

Святые отцы писали в самых разных жанрах — апологетическом, духовно-назидательном, гомилетическом, дидактическом. Они писали в прозе и стихах, пространно и сжато, витиевато и по-пустынно строго. В святоотеческое наследие входят не только богословские, но и канонические⁹, исторические¹⁰, гимнографические сочинения. Некоторые из сочинений отцов не сохранились или сохранились в псевдоэпиграфах, так или иначе даже под чужим именем сохраняя драгоценный аромат истинно подлинного и значимого.

Святоотеческое наследие может открываться *многократно и многообразно*¹¹ — духовно, образно, словесно, интеллектуально, рационально и иррационально. Духовно оно открывается святым и стремящимся к святости через аскезу, через соучастие в православном богослужении, через стремление исполнить прочитанное у отцов и жить согласно сказанному отцами. Образно оно открывается через красоту священных изображений — икон и фресок. Интеллектуально и рационально отцы открываются через систематическое или эпизодическое чтение написанных ими текстов в оригинале или в русском переводе; через изучение научной или духовно-просветительской литературы, посвященной им; через чтение, слушание, написание лекций и докладов. Иррационально — через неожиданное осознание идентичности того, что происходит, с тем, что должно было произойти «по молитвам отцов».

Конечно, не стоит противопоставлять духовное интеллектуальному, святость — науке. Это принципиально разные и в то же время взаимодополняющие области. Святые отцы не всегда занимались наукой не потому, что гнушались ею. Так, авва Дорофей, живший в VI в. в окрестностях современной Газы, поступив в монастырь аввы Серида, не отверг своего светского образования, но заменил

⁹ Например, «О возвращающихся от отступничества» (De iis, qui abnegarunt. PG 100, 1300—1317) свт. Мефодия Константинопольского.

¹⁰ Например, «Краткая история» (Breviarium. PG 100, 876—903) свт. Никифора Исповедника.

¹¹ Евр. 1, 1.

его совершеннейшей молитвой. При этом в лечебнице, в которой он нес свое первое послушание, он стал профессиональным врачом, в собирании писем своих духовных отцов и старцев прп. Варсонофия и Иоанна — профессиональным письмоводителем, в составлении поучений братии своего монастыря — мудрецом, в описании движений человеческой души — тончайшим психологом, в легкости донесения материала — пронизательным педагогом.

Итак, святоотеческое наследие — это не музейный экспонат, это не застывший опыт, но — одухотворенное творчество, бесконечная преданность Живой Истине, Христу. Святые отцы изучаются во взаимосвязи друг с другом, в контексте всего святоотеческого предания. Своеобразие мысли каждого отца выясняется не из праздного любопытства, но по верности истине. Современный исследователь отцов, пользующийся научной методологией исследования, при критическом отношении к изучаемому им наследию отцов не должен впадать в сомнение, а при похвале — в панегирик, сохранив беспристрастность как бы стороннего наблюдателя с глубочайшей верностью преданнейшего ученика.

Святоотеческое наследие никогда не замыкнуто. То, что пишется для монахов, читается мирянами. То, что кажется неисполнимым, вдохновляет. Исполнение одного приводит к приобретению всего, но даже малое отступление от истины приводит к потере многого. Богословские тонкости, невидимыми нитями связанные с самой сутью человеческой жизни, остаются под спудом лишь до определенного времени. Святоотеческое наследие, полностью недостижимое в своих глубинах, — источник бесценных сведений по психологии, педагогике, этике, истории.

Углубление уже существующей связи между естественнонаучными и гуманитарными дисциплинами и святоотеческим наследием служит обоюдной пользе. Как известно, новейшие достижения ученых в областях физики, химии, микробиологии подчас могут привести к губительным последствиям для вселенной и принести серьезный вред целому человечеству. Поэтому не следует забывать, что духовная сокровищница святоотеческой мысли, основанием которой

ОТДЕЛ III

является евангельское учение Жизни и Сама Личность Бога Слова, способна направить каждого человека использовать свои научные знания в единственно истинном направлении, ведущим не к гибели, а к благу и процветанию нашего общества. Так и в «Основах социальной концепции», принятых на Юбилейном архиерейском соборе, сказано выразительно и четко о том, что «Церковь и светская наука призваны к сотрудничеству во имя спасения жизни и ее должного устройства»¹².

Полноценное изучение святоотеческого наследия было бы невозможно без участия представителей современного ученого мира. Философ сможет лучше представить себе полемику свт. Василия Великого с Евномием или мирозерцание «Ареопагитик», а историк — непростые пути становления святоотеческого богословия в I и II тысячелетиях. В целом можно отметить, что святоотеческий потенциал смог бы значительно повысить духовно-нравственный и интеллектуальный уровень современного студенчества. Изучаемое пока что «по закону» в духовных учебных заведениях России одухотворенное наследие отцов ищет «законные» и «внезаконные» благодатные пути в умы и сердца светских студентов и ученых. Хочется надеяться на то, что ревнители святоотеческого наследия не останутся без помощи Божией: «Сказал авва Миос Велейский, что послушание вместо послушания. Если кто-нибудь слушается Бога, то Бог слушается его»¹³. Хотелось бы пожелать всем учащим и учащимся российских вузов духовной мудрости и взаимопонимания в поиске новых подходов к изучению богатейших россыпей святоотеческой мысли, способных помочь современному человеку обрести незыблемую точку опоры и духовную свободу в творческом постижении мира и своей жизни.

¹² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 14.1 // Юбилейный архиерейский собор Русской Православной Церкви 13—16 августа 2000 г. Материалы. М., 2001. С. 398.

¹³ De abbate Mios 1. PG 65, 301.